Любовь

ЯКУШЕВА

ЛЕГКИЙ ОГОНЬ

Нам знакомо иное рвение:
Легкий огнь, над кудрями пляшущий.—
Дуновение вдохновения!

М. Цветаева

И каждый раз, вступая в тайну,
Душа стиха напьется вновь
Из трех источников кристальных:
Природа, Родина, Любовь.

Любовь
ЯКУШЕВА

ЛЁГКИЙ ОГОНЬ

Стихотворения
и поэма

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1989

ББК 84 Р7
Я 49

Художник
Татьяна КОНСТАНТИНОВА

Я $\frac{4702010202-408}{083(02)-89}$ 258—89

ISBN 5—265—00757—1

«ЛЕГКИЙ ОГОНЬ»

Три вехи в жизни поэта часто заставляют нас говорить о его творчестве всерьез. Это первая книга поэта. Потом — его итоговая книга. И наконец — смерть.

У Любови Якушевой не было ни первой книги, ни избранного. Любовь Якушева умерла четыре года назад, осенью 84-го, в возрасте 37 лет. И перед нами — ее первая, ее итоговая книга, книга по-настоящему поэтическая, книга человека, умудренного и просветленного жизнью и страданием; человека, умеющего истинно любить, знающего цену жизни и цену искусства; человека, познавшего страх и — забывшего о нем.

Любовь Якушева прожила тяжелую и удивительную молниеносную жизнь. Разносторонне одаренный человек, она с детства писала стихи, рисовала, увлекалась литературой, музыкой. Окончила музыкальное училище, работала преподавателем в музыкальной школе. Одновременно поступила на искусствоведческое отделение истфака МГУ, а через год,— не бросая истфака,— на отделение классической филологии того же МГУ. Закончив оба факультета (филфак — с отличием) в 1977-м, Л. Якушева преподает латынь медикам, публикует переводы с греческого, английского, немецкого, поступает в заочную аспирантуру, готовит большую научную работу о поэтическом языке лауреата Нобелевской премии Георгоса Сефериса... Веселая, жизнерадостная, всегда готовая прийти на помощь, утешить, посочувствовать, принять на себя чужое горе,— Любовь Якушева смертельно больна. Она больна с 8 лет, ее болезнь быстро прогрессирует, смерть настигает ее, она все ближе и ближе — и никто не знает, даже не догадывается об этом, кроме близких, врачей и... самой Любови Якушевой. Она торопилась, очень торопилась жить: научные статьи, более 250 опубликованных переводов, диссертация... В 1981-м ее переводят на инвалидность. Времени остается совсем мало, она знает это. Рабо-

та о Г. Сеферисе наталкивается на глухую стену — непонимания и молчаливого, активного противодействия. И Л. Якушева все свои силы, все великое мужество отдает в первую очередь поэзии.

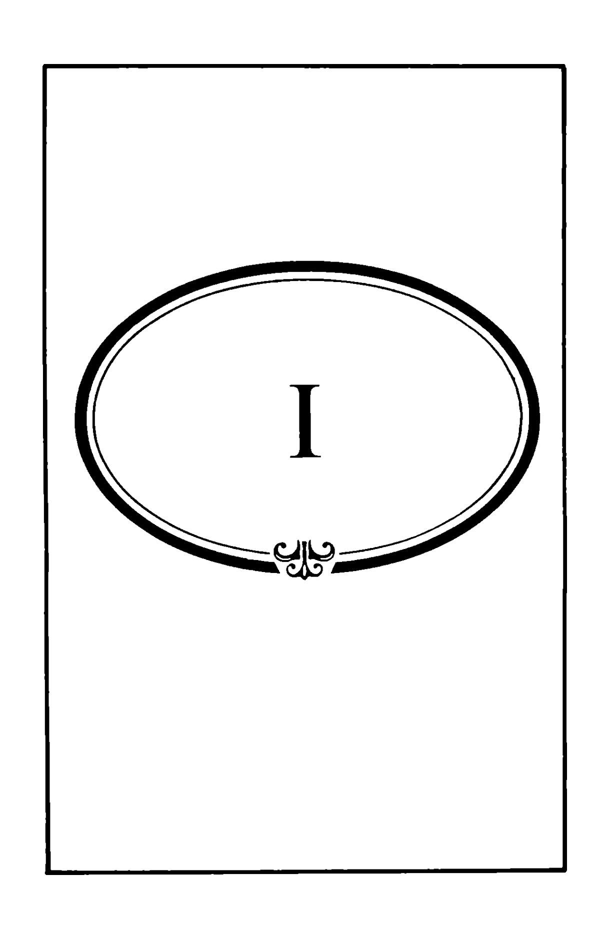
В 1983 г. в издательство «Советский писатель» ложится рукопись «Легкий огонь» — это та книга, которую ты держишь в руках, Читатель. Судьба ее тоже складывается трудно — и Л. Якушева так и не узнает, что книга оценена по достоинству, одобрена и через 6 лет выйдет к людям (таковы жестокие, безжалостные сроки выпуска книг при нынешнем проржавевшем и бездушном издательском механизме).

А пока, в ноябре 1984-го, практически уже не вставая с постели, Л. Якушева шутит, смеется, утешает по телефону подругу, до слез поссорившуюся с мужем, дает советы, обещает помочь... Через 3 дня, 10 ноября 1984 года, ее не станет.

Эта книга, Читатель, этот «Легкий огонь» — тот самый, в котором горят, не сгорая, рукописи, в котором горят — и сгорают — человеческие сердца. Поэтому ей суждена жизнь, ибо она подтверждается самым сильным и страшным подтверждением — самою судьбой.

Так пусть же будет звучать в русской поэзии, радуя и удивляя читателей, чистый, целебный родничок Любови Якушевой.

А. Жигулин

I

ВОЗДУШНЫЕ ЧАСЫ

* * *

Я над стеблем пою наклонясь,
я над птицей обиженной плачу,
и летит, как по ветру песок,
                    мой вопрос.
Завтра снова в поток
повторять, вопрошать у вещей:
«Я вас вижу,
но живы ли вы
в моем зыбком, как зарево, слове,
иль по строкам текут голоса
и краток их путь,
как дорога дождя на стекле?»

* * *

Неуловимый поворот —
и вдруг проснулся взгляд,
и птицей легкою в полет
из-за сплошных оград

окна, веранды и двора,
где бродят лопухи,
где прерывается игра,
не пишутся стихи.

Вот через маленький глазок,
открытый в мир причуд,
пробился взгляд. Наискосок
лежит дремучий пруд.

Там рыбы черные стоят,
а красные плывут,
рисуя водный циферблат
веков, а не минут.

И проступают на воде
живые кольца лет,
в прозрачной тонут борозде
и темнота и свет.

Но по лучу взлетает взгляд
в зенит земной красы:
смотри, смотри, вверху горят
воздушные часы!

Там жизнь любого мотылька
имеет долгий счет,
и как бы ни была легка,
она не пропадет.

Часы воздушные в поток
живой вовлечены:
былинка, пух и лепесток
значения полны.

Как радостно гуляет взгляд!
И все-таки пора.
Пора домой, пора назад
в глухой квадрат двора,

где жизнь простая, без затей,
где бродят лопухи.
А время мерят для людей
все те же петухи.

* * *

Отгородясь от козней зла
своей беспечною усмешкой,
я прошепчу: «Весна пришла» —
и устремлюсь за ней поспешно.

Я процежу себя саму
сквозь сито солнечных сияний
и, может быть, тогда пойму,
как отдаленно расстоянье

до совершенства и добра
и что до счастья — как до солнца.
Но чувствую — придет пора,
но знаю, кто-то отзовется
в моих лугах...

* * *

А у меня зацвел левкой,
и это целое событье,
поколебавшее покой
и приказавшее забыть мне,

как плакала моя весна,
от снега почки отряхая,
как отделялась от весла
зимы короста ледяная

и прорезались в темноте
с неуловимым свистом боли
листочки маленькие те
сквозь панцирь жестяной на волю.

Забыто все: разлом, разлад,
весны атаки и прорывы.
В природе все идет на лад,
а главное — нетерпеливо

зацвел левкой! Что было сил
раскрыл лиловые соцветья,
тепла у солнца попросил
на целое тысячелетье,—

и прорвалось, и потекло,
и всех собою одарило,
и через край лилось тепло!..
А нам с тобою не хватило.

МАРТОВСКИЙ ТУМАН

В тумане тонем. Горло голодает
по кислороду светлой высоты.
Но снятся ночью, но блестят плодами
в прозрачном небе летние сады.

Мне мало надо, чтобы смерть услышать,—
глоток тумана, безвоздушный вдох.
Как в этой белизне мой смех умышлен,
как легкие предчувствуют подвох

в безбрежности белесого пространства!
Иди со мной, послушай, как дышу,
как замедляется в тумане транспорт,
как поглощается туманом шум.

Я — маленький, из малых самый малый,
мечтая о полуденном песке,
плыву по морю марта и тумана,
от гибели живу на волоске.

Быть может, мне давно уж захотелось,
чтоб жизнь моя осталась коротка
и помогла мне слабость или смелость,
когда б не ты и не твоя рука.

* * *

Катине Зорбала[1]

Я Вас люблю. Не надо уходить.
Со мною может что-нибудь случиться:
вдруг разорвется солнечная нить,
которая в окне моем лучится.

Я Вас люблю, я Вас люблю сильней,
чем это видно Вам из вашей дали.
Зимой я выпускала снегирей,
которые до Вас не долетали.

Я Вас люблю, и в комнате моей,
раскрашивая воздух синим цветом,
живут и вянут васильки полей.
Я Вас люблю. И холодно мне летом.

---

[1] Катина Зорбала — греческая певица, педагог, коммунист. Ранее — преподаватель МГУ.

ТАРХАНКУТ

I

Степь! Тоску мою развей!
Пусть заря течет по коже.
Воет, веет суховей —
может, ветер мне поможет

душу легкую мою
разметать степною пылью
по песку, по ковылю
да по ласточкиным крыльям,

чтоб не думать, не страдать,
словно ива у колодца,
а летать, летать, летать —
хоть до неба, хоть до солнца!

II

Скатилось солнце с кромки горизонта
и по степи большой идет ко мне.

Я верю счастью, снова верю счастью!
В пучину солнца руки опускаю
и оживаю под его теплом.
Я знаю — ненадолго озаренье.
Я знаю — глубина иного цвета.
Но все-таки, глаза приблизив к небу,
я верю в счастье.

* * *

Я у ночи отнимаю тишину,
утешенье, одиночество.
И к поверхности молчания тянусь
я руками полуночными.

В этом лучшем и легчайшем из миров
я корабликом у пристани
затихаю, забываюсь — и перо
пишет медленней и пристальней.

Но когда-нибудь, в последний самый день
не останусь я у берега,
а уйду по звездным бликам на воде,
наступая на них бережно.

К МУЗЕ

Возвратилась ты — спасибо!
нагляжусь ли на тебя?
Так нечаянно красива,
что, все горести стерпя,

я к тебе навстречу выйду,
от восторга рассмеюсь,
позабуду все обиды,
все сомненья, слезы, грусть,

твое долгое витанье
где-то в дальней стороне...
Во сто крат с тобой свиданье
драгоценней стало мне!

Ну, пора! Начну с названья
слов волшебных надо мной.
Мне легко писать — дыханье
ощущая за спиной.

ОБЛАКА

Провалы в высоту,
бездонные проемы.
Для перелетных птиц
живые водоемы.

Взлетает от руки,
от ветра убывает
заоблачная плоть
и клочья обрывает

молочных парусов,
плывущих горделиво,
как будто на холсте
счастливца примитива.

Плыви, небесный флот!
Вызванивайте, склянки!
Я буду ждать тебя
на следующей стоянке,

куда бегу стремглав,
дыханья не жалея,
куда бежит со мной
кленовая аллея.

А если упаду,
а если не успею,
зажги по мне звезду,
повесь ее на рею.

* * *

Золотые кружева
расписало в роще солнце.
Окунулася листва
в золоченые колодцы.

Из деревьев шум и плеск —
купы листьев лето лепит.
Хороводом ходит лес,
умножая этот лепет.

Здравствуй, мой зеленый дом!
Утешительные речи!
Ох, как долго мы вдвоем
дожидались этой встречи!

* * *

Закат на окошках соседнего дома.
Мне это сверканье знакомо —
с балкона, из комнаты, сквозь занавески
летаю по небу, брожу перелеском,
грибы собираю. У самого края
лужайки плету васильки
и осинкам венки надеваю,
прозрачною синькой небес родниковых
глаза умываю. Я знаю,
мне мало колючих колосьев,
чтоб видеть, как лето с собою уносит
тепло, изобилье, щеглиные крылья —
и все уплывает, и мелкою пылью
листва золотится, лучи отражая,
играя на дальних окошках закатом,
и золотом-златом стекло украшая,
мне в сердце стучится, течет на страницу
и ночью приснится...

* * *

Только так. У окна. У балконной двери
начинается жизнь. Мотылек белокрылый
подрожал у стекла, посветил изнутри
через солнечный луч и вспорхнул. Через силу
начинается день. Через темный порог
сновидений сочится целебная влага,
проникает в глаза, размыкает замок
тишины и ложится строкой на бумагу.
Только звуком лечусь, только зреньем плыву
по небесной траве и, спокойная с виду,
отделяясь от мира, твержу в синеву
свои сны и восторги, мечты и обиды.
Приходи-прилетай, принеси на ветру
сотню тонких волокон полуденной боли
из песочных лучей, из стеблей кукурузы,
хрустящей на высохшем поле.
Я из них заплету золотистый венок,
я на них нанижу́ сотню ярких картинок,
я спою, я спляшу, закружусь как вьюнок
и прорвусь наконец из седых паутинок,
убаюкавших свет среди белого дня,
отогнавших лучи от распахнутых окон,
заслонивших простор, спеленавших меня
в обособленный, непроницаемый кокон...

* * *

Так и у нас: линяет позолота,
в груди смолкает радостный горнист.
Все чувства — словно с птичьего полета,
и если нас теперь волнует что-то,
так это под ботинком ржавый лист,
как лист из обгоревшего блокнота...

* * *

Как мне спастись от этих снов,
нет с ними сладу!
Твоя прошедшая любовь
идет по саду.

Я знаю: ей не тяжело
идти так мимо.
Ну что же — пусть тебе светло,
ступай же с миром.

Ты будешь думать, что всерьез
так не бывает.
Но только ты ко мне прирос —
она-то знает.

Она взрастет в тебе порой
пока невнятной.
Она пошлет тебя за мной —
вернуть обратно.

ПЛЮЩ И ОДУВАНЧИК

О полый пустотелый одуванчик,
роняющий на ветер оперенье,
несущий парашютики по свету!
Сливаясь с ветром, подчиняясь ветру,
над почвой гнется и теряет тело.
Спустя минуту венчик опустелый
напомнит сухостью недужной о пределах
полета над землею,
о полом стебле и о белокровье.

А плющ послушный тянется к здоровью,
к нему на помощь прибегут деревья...

ПОСВЯЩЕНИЕ ОСЕНИ

Замелькали твои алые листы
вдоль по ветру, мимо дач оцепенелых.
Я спешу к тебе, закрыв глаза, но ты —
ты уходишь. Откружилась, откипела.

Почему, когда вернуть тебя хотят,
ты уходишь, ни минуты не помедлив,
бросив царственный подарок — листопад —
из одежд своих, прекрасных и последних?

Ты уходишь. Это мудро — уходить,
если кто-то еще просит, чтоб осталась,
умирать, хоть кто-то просит еще жить,
оставлять нам на прощанье эту малость —

плащ упавший,— нам, оставшимся в живых,
нам — веселым и насмешливым невеждам.
Ну а я — я посвящаю тебе стих!
Легкий реквием, нанизанный на нежность.

А потом, когда наступит мой черед,
мы с тобою поменяемся местами,—
я прошу тебя, отпразднуй мой уход
листопадом своим, радостным, как пламя!

* * *

Природа — золото. Запущенных садов
прекрасен вид. И вечеру вдогонку
плывет ковер кленовый и немой.
В карманы руки заложив, хожу,
плечами задевая за туман.
Предметов контуры неясны и светлы,
как в добром сне.
Уснувшая земля!
Футбольный мяч летает по асфальту...
И сторожит кленовые поля
земная тишь, оглохшая от крика.

Давайте молча Родину любить.

* * *

Лета к суровой прозе клонят...

А. С. Пушкин

Улетают легкой стаей чувства.
Сколько этих хороводов пестрых —
острых ощущений
улетело вереницей вдоль лица!
На плечах большая ноша —
грузный ком
жизни, жизни, длинной жизни.
Все мелодии мои — в небеса,
было жизни им на четверть часа.
Половину дней моих и лет
унесли.
И в пыли,
в клубах ветра
растворился их след.
...Снова старое кручу колесо.
Давит, давит ком на плечи! Чуть-чуть
развиднелась бы дорога!
Вздохнуть
дал бы мне этот груз
иль наказ
дал бы мне:
рассказать без суеты и прикрас,
без мелодий, без рифм,
а всерьез,
сколько выпало мне счастья и слез.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь выпал из гнезда и в землю втек.
Деревья сразу ноги промочили.
Ладони слиплись лип. Возьмите в толк,
что мы за две минуты получили:
  Помимо света, запахов и сил —
  освобожденья радостное чувство!
  Как будто кто-то нам глаза раскрыл
  и слух наполнил гомоном стоустым.
Вот красота! С дороги, облака!
Мы облетаем землю словно птицы.
Крылом к крылу, летим, в руке рука —
и заострились в клювы наши лица!
  Вперед, вперед! Ах, кто же здесь поймет,
  что мы летали ласточек проворней,
  что серый вихрь преследовал полет,
  но не догнал и в смерч завился черный?
Кто станет слушать россказни о том,
как в небе потеряли мы друг друга,
как вдруг забыли, что летим вдвоем,
и лишь опомнились в пространстве круга
  квартиры, дома, улицы, двора...
  Так вот к чему приводят эти игры!
  Хотя постойте, в чем же тут игра?
  Ведь просто дождь прошел. А мы постигли
освобожденья смысл и унеслись
как птицы в облака. И потерялись,
но слава богу, что не растерялись,
что дома снова мы.
                    ...Но высь, но высь!

ФЕРАПОНТОВО

Костер горел,
и падал прах костра.
Стояли дни тихи,
а жизнь была остра.

И голоса коров
будили утром нас,
и тело куполов
хранил суровый Спас.

Озер степная гладь,
слепые вечера,—
земная благодать,
души моей сестра.

Так этот тихий свет,
так этот строгий Спас,
светя из давних лет,
спасали что-то в нас.

* * *

Наступает особенных мыслей пора,
за оградой свивается кольцами ветер.
Наступает пора, когда росчерк пера
по-особому легок и светел.

Наступает пора для любви и добра,
для надежды, порвавшей дремучие сети,
наступает пора — от утра до утра
петь и плакать о лете.

Наступает пора — улетает листва.
Из земли выползают лесные коряги.
Наступает пора — умирает листва.
Начинается жизнь на бумаге.

* * *

В путь отправляюсь от простых вещей:
от почки розовой, раскрывшейся на ветке,
от просквозивших дерево лучей,
запутавшихся в кроне, словно в клетке.

В дар принимаю каждый лепесток
простой ромашки на просторе луга,
на желтом поле крепкий колосок,
зерном нафаршированный упруго.

Но устают глаза, болит душа
от насыщенья светом и покоем.
И отворачиваюсь не спеша,
и заслоняюсь от тепла рукою.

И в темноте вступаю в тесный дом,
где тишина — испытанная нега,
которую наполню день за днем
счастливой памятью и ожиданьем снега.

СНЕГ

Пластинки снега сыплются с перилец
балкона. В голубиных лапках
паденье снега. Воро́н чернеющие снимки
на деревьях. Очнулось сердце.
Тихим мимоходом
слетает с неба снег.
Живу без сожаленья
о счастье или одиночестве.

Мне кажется, навек моя душа,
как черный птичий силуэт на ветке,
в тумане снега, в мягкой тишине
замрет на страже неба.

* * *

По окну царапнет веткой в феврале,
это будет непременно поутру.
Чтобы стало веселее — на стекле
я глазок в холодном кружеве протру.

Грустно, знаю, это близится февраль,
да и дней-то у меня наперечет.
И так хочется, чтоб кто-нибудь соврал,
что по коже моей холод не течет,

что уйдет зима из перьев снегирей,
что оттают звезды в маленьких ручьях,
что возможно стать наивней и мудрей,
за любовь и постоянство поручась.

* * *

В снегу прошли года,
но сердце, как снегирь,
без зелени земной не умирает,
оно в себя огонь земли вбирает,
и звуки новые мой слух буравят,
и слух — мой поводырь.
Веди меня!
Как снег ведут светила,
как свет ведет земля!

...Но сделай так, чтоб лето наступило,
чтобы душа, как бабочка, застыла,
антенками своими шевеля.

В ПОЕЗДЕ

Россия, златорунные поля!
Широкий край, лесами окаймленный,
в окне вагона, зренье опаля,
мелькает золотым или зеленым.

Раскрой окно — и яростный напор
потока воздуха собьет дыханье,
и сердце, тихое до этих пор,
вдруг задрожит, как ложечка в стакане.

И ты почувствуешь впервые боль
не оттого, что больно сердцу биться,
а потому, что к Родине любовь
не может в твоем сердце уместиться.

БЛИЗНЕЦЫ

* * *

Начинался осенний концерт,
мне достался билет,
но полое сердце мое
молчало.
Желтела земля, мелела листва,
как река.
И в закаленный металл
сплавились радость и боль.
Великий покой на земле,
и полое сердце мое
переполнено им до отказа.

Но отчего же
летит и мелеет листва? Отчего
кто-то плачет в стекле телефонном?

* * *

Не только ждать, но думать о тебе,
но вспоминать тебя, когда роса
стекает в листья с молодых стеблей
и высыхает. Ветер написал

на тонких листьях помыслы свои,
но от меня не скроется ответ,
который вязью трепетною свит
и автором его — летучий ветр.

Не только ждать, но складывать слова,
но думать и смеяться, как на грех,
над тем, что начинает уставать
и amor cordis. Но на той горе,

на той вершине сладкой и слепой
я все-таки осмеливаюсь петь
о том, что твой испытанный покой
мне победить дано и пожалеть.

* * *

Так щеки розовеют от тепла
запретных слов. Прислушайтесь, внемлите,
ко мне дыханье ближе наклоните,
чтоб к вам немая робость подошла.

Стихи пришли. Их силе покорясь,
настигнута в вечерней суматохе,
я говорю, как на едином вдохе,
как перед тем, чтобы вот-вот упасть.

К вам обращаюсь, пахарь, и поэт,
и страж России, рыцарь хладнокровный,
и лист лесной, печальный и багровый,
мной найденный по множеству примет.

Примите свет мой, рвущийся из слов,
из этих звуков, ныне непонятных,
моей любови к вам невероятность,
мои прозренья, взятые из снов!

Чтобы потом, потом, когда сентябрь
отступит, захлебнувшись облаками,
цветы, листы с собою увлекая,
а ветер станет холоден и храбр,

вы вспомнили, кручинясь и кляня,
пропущенные вами листопады,
и как вам было ничего не надо,
и как теперь вам плохо без меня.

* * *

Смотри не потеряй себя в пути.
Веди себя вдоль кленов, тополей,
к деревьям, словно к детям, обратись,
и разум станет чище и светлей.

Нет, ты послушай: клены. Тополя.
За все придется плакать и платить,
когда в тебе их листья заболят.
Смотри не потеряй себя в пути!

Мне ничего не надо — только знать,
что ты в пути. Что ты еще живой.
А я поставлю придорожный знак:
«Запрет. Обход» — у дома моего.

* * *

И для того, чтоб не обидеть Вас,
я со своей влюбленностью прощаюсь,
совсем не плача и почти смеясь.

Она была беспечна и легка,
как песенка безоблачного счастья,
слетевшая ко мне из высока.

А ныне мне — и черствый хлеб как мед
и как симфонии — несложные напевы.
Меня теперь любой скворец поймет.

Прощай. Я тоже не люблю весну̀.
В груди дрожит и бьется что-то слева,
как бьется рыбка, глядя на блесну.

* * *

Мне нужно только мужество собрать,
забыть свою прикованность к постели
и написать о чудном новоселье,
где каждый и приятель и собрат.

Я знаю, что любовь моя сбылась
и сбывшееся невосстановимо,—
вот почему, раздвоившись с любимым,
я вновь любить других остереглась.
Но это было раньше, а теперь,
невзгодами все искупив причуды,
влюбляюсь в жизнь, как в солнце над запрудой,
и совершается во мне апрель.

И возрождается во мне, как встарь,
желание трудов необычайных,
и мир наполнен радостным участьем,
и он поможет мне скорее встать.

* * *

Легоньким пером любви
расписалось вдохновенье.
Долгожданное мгновенье,
мой покой скорей прерви.

Чтобы с неба поутру
птицы пестрые слетели,
чтобы тонкие свирели
зарыдали на ветру.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Вьются, веются, завиваются
стебельки травы, стебельки листвы...

От себя к тебе устремляюсь сам
по осенним дням, по большим степям.
Конь седой спешит дотемна успеть,
я к тебе спешу — свою песню спеть.

Вьются, веются, завиваются
стебельки травы, стебельки листвы...

Конь седой спешит, попадает в такт,
но опять тропа пролегла не так,
но опять туман преграждает путь,
до тебя опять мне не дотянуть.

Гаснут сумерки на другом конце.
Вянут цветики на моем венце.

* * *

Любовь моя! Опять разлука.
Набор давно привычных чувств.
Опять лицо свое хочу
спасти улыбкой от испуга.

Смеяться, улицей скользя,
вдыхая воздух невесомый,
казаться юной и веселой,
спешить к придуманным друзьям,—

но приходить и повторять,
к глазам приблизившись глазами:
«Опять пространство между нами,
любовь моя, опять, опять...»

* * *

Я — есмь! Но отступаю пред тобой,
не соглашаюсь и, зализывая рану,
как лис непойманный, бегу ночной тропой,
с ночными вздохами, подобными орга́ну.

Я добровольно укорачиваю тень,
отброшенную мыслями моими,
и добровольно становлюсь значеньем тем,
которое вложил в мое ты имя.

Но я хитра, как лис ночной порой,
коварные утративший движенья.
Я воплощаюсь вновь и следом за пером
свое сквозь буквы вижу отраженье.

И, сбрасывая сладкую болезнь —
быть для тебя и радоваться миру,
я хохочу, как лис лесной: я — есмь!
И вновь свою настраиваю лиру.

* * *

Мир невесом этим утром
в розовом декабре.
Сукровица рассвета
сочится сквозь иней.
Ветки звенят у окна.
Сердце, в груди затаись.
Зачем ты летишь к граниту реки
и дальше к неведомой улице,
к живущим в неведенье людям,
летишь сквозь розовый воздух
к их темному абажуру,
где тонкий высокий мальчик
со страдальческой складкой у рта
пьет утренний чай?

Незаметно подходит день,
неся в белизне раскрытых ладоней
мороз,
каждый новый единственный час
отпуская спокойно.

Вечер, сужая границы дня,
оживил абажур
в неведомом доме.
Длится жизнь,
облекаемая тишиной.

Вот и ночь
с круглым проемом луны,

с высохшей звездной чешуйкой.
Серебристый перст фонаря
погасил абажур
в неведомом доме.

Свой лучший наряд —
простую рубашку сна —
для тебя надеваю.

* * *

Каким это наречьем
подарен мне покой? —
Словечком человечьим,
ласковой рукой.

Какою это дверью
мне мир открыт большой? —
Внимательным доверьем,
доброю душой.

И чье это уменье
мою врачует кровь? —
Твое, мой друг, терпенье,
твоя, мой друг, любовь.

* * *

Как мне хотелось, чтоб жилище бытия
прекрасней стало.
Купол голубиный
воздвигнув над собой и над тобой,
все листья облетелые собрав,
я завожу несмелый разговор
о том, как звезды,
к нам по ночам склонившись, будут петь.

Но слишком трудно мне найти тебя
в пространстве недоверья.

И наконец, утрачивая мысли,
измерив пол и вдоль и поперек,
лукавством и правдивостью своей
прошу — останься.
Купол голубиный
еще высок. Еще осталось время
для всех сомнительных и сладостных словес,
ради которых
умеет длиться жизнь
и в пустоте.

Как трепетание мальков в прозрачной банке,
беспечны помыслы мои...

* * *

Моих стихов торжественный недуг
и снег небес, летящий над землею,
твой отклик и любовь твою найдут,
когда меня не будет. Бог с тобою!

Упрямый мальчик, думай, и живи,
и верь в добро, сгибаясь от побоев.
Добро — в моей придуманной любви
живет и видит вечность. Бог с тобою!

Актер и забияка, посмотри —
тогда лишь светит солнце декораций,
когда живой огонь горит внутри.

* * *

Приближаюсь к тебе
бережно.
Осторожность моя
безмерна.

Твой облик почти бесплотен
в воздушном плену.
Ты, словно саженец, тонок.
Зыбок ствол,
и корни
неглубоки́.
Любое движение ветра
меняет твое положенье.

Торопится пульс,
сознанье мутится,
взрывается кровь,
смерч в моем теле.

Приближаюсь к тебе
бережно.
Осторожность моя
безмерна.

* * *

I

Ушла, меня печалью осеня,
весна моя — короткая отрада.
Грань сердца моего переступив,
ты слышишь ли торжественный мотив
любви и боли? Ты — моя награда.
Пока ты дышишь около меня,
в себе живое сердце слышу я.

II

Оно во мне, как перстень на стекле,—
отдельно и со мной. Молва другая
его тревожит, гонит и томит.
Ему небес спокойный монолит
себя вручает, звездами играя.
Пока живу я в скуке и тепле,
пока не ждет бумага на столе.

* * *

Гроза голубая, серебряный гений,
в орбите таинственных знаков, растений,
в тревожном пространстве горячего дня
стоит твое имя, глядит на меня.

А я заслоняюсь кленовою веткой,
на солнце играю блестящей монеткой,
взлетела монетка, сверкнула — орел!
Горит-разгорается твой ореол.

Как солнце второе, смеется и манит,
быть может, обидит, сломает, обманет,—
не жду, тороплюсь к нему со двора,
не жди, торопись,— пусть начнется игра!

* * *

Оживают вечерами
круглобровые девушки.
Смеются, звеня сережками,
спешат на танцы.

Веселые разноцветные девушки,
не замечающие солнца.

* * *

О, как мы устаем. Спаси нас, тишина,
от длинных спиц блестящего вращенья,
от смены встреч, прощаний и прощений,
от мыслей горестных, что жизнь подчинена
слепому плаванью по радужным кругам
случайных обстоятельств, нетерпенью
и долгой беготне по пустякам.
Спаси нас, тишина. И научи уменью
в потоке замереть и видеть их — летят,
летят по линиям касательным к душе,
остановившейся в толпе настороже,
чтоб встретить их и заключить в объятья,—
летят, летят ее родные братья,
и на лету их крылья шелестят.

Пройдут часы. И вечером спадет
завеса из блестящего вращенья
велосипедных спиц. И отпадет
тоска. И вдруг невнятное волненье
толкнется в грудь. И внутренним чутьем
поймешь, что одиночество чревато
присутствием единственного брата,
чье сердце в доме умерло твоем.

* * *

— Ты песни соловьиной
так испугался?
— Нет, то не соловей...

В. Шекспир

Сон идет, как солнце идет, лучами
гладя землю. Спать не могу, но поздно
гладить руки, щеки твои целуя,
мысли теряя.

Слышу время, глядя в окно ночное,
слышу время, руку кладя на сердце.
Склоны неба ночью к земле приводят
время прощаний.

Там, давно, тебя удержав, смеялась,
там, давно, меня не хотел оставить.
Мы тогда никак не могли расстаться,
птиц перепутав.

* * *

А человек был одинок,
как подсолнух без солнца,
так одинок,
как больное сердце, к которому
    нельзя притронуться,
как упавший листок.

Одна мысль,
    как камень, подброшенный ввысь,
одна мысль —
стучала в висок —
смирись, покорись.

Только он был горд —
как песня тростника —
    так горд,
как стрела лучника...
И был — одинок.

* * *

Все, кто в июне рождены,
своей судьбой осуждены
искать до самого конца
себя второго — близнеца.

И я, от знака Близнецов
свою зависимость кляня,
найду ль тебя, в конце концов,
мой брат, похожий на меня?

Но в час полуночной красы,
меня сияньем осеня,
встает созвездие Весы
и ясно смотрит на меня.

И наконец-то, наконец
в зеленой сутолоке дня
шагает рядом мой близнец,
так не похожий на меня!

* * *

Я промолчу. Но гордости моей
смирение твое необходимо.

Я прошепчу чуть слышно: «Мне нужна,
не мне — душе моей
                    твоя забота».

И громким криком крикну,
                    что любви моей
нужна твоя любовь.
И снова замолчу.

Но я о том, что сердцу моему,
как кровь —
          необходима —
          твоя жалость,
об этом я и думать не посмею.

* * *

Ни кровинки
мне теперь не перепутать —
половинки
абрикоса так слепились,
как ладонь моя без спроса
прямо к сердцу,
прямо к сердцу
прикипела, чтоб согреться,
прямо к коже, прямо к телу твоему.
Не пойму —
на что похоже
это теплое биенье,
это пульсов единенье?
Этот бережный полет
тот поймет,
кто услышит тихий шепот
двух плодовых половинок,
двух былинок на ветру
поутру,
этот говор сокровенный
двух песчинок во вселенной
тот поймет,
кто услышит...

* * *

Одиночество, кроткий божок,
ускоряет неслышный шажок,
выплывая ко мне из тумана.
Подожди ты, полночный дружок,
не сломался бы твой посошок,
настигая меня негуманно.

Не ругаюсь, не пью, не курю —
я молочную кашу варю,
ожидая прихода мужчины.
Я дверей тебе не отворю,
как всегда, к октябрю, к ноябрю —
для свиданья не вижу причины.

Вот и все. Слышу лифт и звонок.
Нашей дружбы погас уголек.
И в кастрюльке курлыкает каша.
Открывается дверь — на порог
входит мой повелитель и бог.
Мир и кухня становятся краше.

* * *

Опять моя пора —
живу в тенетах боли.
Опять стучится в дверь
забытый мой бо́жок.
Впускаю.— Заходи,
что приказать изволишь?
Со мною не чинись,
давай свой посошок.

Ну как идут дела
на фронте одиночек?
Все так же ль, в тишине,
и радость и тоска?
Все так же ль в тесноте
ско́рлупок, оболочек —
ни свежего листка,
ни нового ростка?

Ну, здравствуй, мой дружок,
ты на меня не сетуй,
что мне на долгий срок
пришлось тебя забыть.
Со мною рядом сядь,
Давай начнем беседу
о том, что нам с тобой
в разлуке не прожить.

* * *

Хотя любовь является сама,
ее должны мы выстрадать.
И всеми силами ума,
души и сердца — выстроить.
А если повернется, чтоб уйти,
должны мы перекрыть ее пути
и — выстоять!

* * *

Любовь кончается. Болит душа.
Сквозь пальцы ускользают мои рифмы.
Но эта боль не стоит ни гроша —
игрушечный корабль разбит о рифы.

Но все равно, спасибо, что ты был,
кораблик мой, построенный без правил.
Но все равно, спасибо, что ты плыл
по синей по воде — и петь меня заставил.

* * *

Пора печальная,
предчувствие разлук.
Не огорчай меня,
нечаянный мой друг.

Не огорчай меня,
сплети венок из рук.
Пора печальная,
предчувствие разлук.

Пора певучая,
случайная печаль.
И я не мучаюсь,
а говорю: «Прощай».

Смешные случаи!
За них ли отвечать?
Пора певучая,
случайная печаль...

* * *

Ты ведь сможешь без меня,
грусть на смех переменя,
легких птиц переманя,
знаю — сможешь без меня.

Без меня проснешься ты —
позади горят мосты,
льются строки на листы.
Мы спокойны и пусты.

* * *

Прошлый друг становится пришлым.
Неожиданным гостем проезжим.
В дом входя, прежних песен не слышит
и не видит хранимого прежде.

Так пустынник — странник безродный,
день и ночь всей тоскою силясь,
принесет зимою холодной
тот цветок, о котором просили.

Ожидающим, тихо и долго
будет ждать на ветхом пороге
и не верить ветру в осколках
и ответам, гулким, немногим,—
стен, заметанных пустотою.

...Возвращений твоих не стою.

ПРОЩАНИЕ

Подожди чуть-чуть, она завянет,
розовая туфелька цветка.
Донце пожелтевшее проглянет
и слетит на землю. А пока
ей осталось время до субботы,
ей осталось жизни на два дня.
А потом субботние заботы
по прощанью посетят меня:
воду пожелтевшую из вазы
в раковину вылью, а цветы
брошу в мусоропровóд. И сразу
все забуду, слышишь? Как и ты.

РАЗРЫВ

Из одного нас стало двое.
Ты — ветвь моя. Я — твой побег.
Созданье вечное любови,
чья вечна боль и краток век.

Ты убываешь, исчезаешь,
а я от горести пою,—
как я пою! Какой экзамен
сдаю злодею — февралю!

Как я лечусь непостоянством
его морозов и ветров,
его метелей окаянством
. . . .

И незнакомыми словами
знакомый голос говорит.
Пространство рушится меж нами,
и под ногами снег горит.

* * *

Свои слова, взмахнув перстами,
я отправляю за тобой.
Они твоею болью станут,
и ты полюбишь эту боль.

Итак, прощай. Дышу все тише,
стираю рук твоих следы.
...На небо новый месяц вышел,
а кажется уже седым.

* * *

Я — одна из десятка, из ста,
я на все опоздала места...
Ты, наверно, давно перестал
разбирать мои строчки с листа.

Не могу без тебя, не могу!
Вот: сижу на пустом берегу.
Вот: записку твою берегу.
На лету, на бегу, на снегу —
не могу без тебя, не могу!

* * *

Жива ли память, друг?
Жива ли память?
Просеивает время нашу жизнь.
У времени на дне осадок горький,
осадок сладкий.
Глупые года!
Так не любить, так слепо убегать
и лишь теперь бесцельно ворошить
пласты своих потерь.
Жива ли память, друг?
Жива ли память?
Иль, может быть, ты за любовь ко мне
обрел теперь и счастье и покой,
а я расплачиваюсь памятью упрямой
за нелюбовь к тебе,
мой старый друг?

* * *

Зачем же свет и вспыхивал и гас,
зачем же листья легкие горели
и приближался нашей встречи час,
когда еще любить мы не умели?

* * *

И сердце вольным странником по свету
все катится — и нет ему угла.
Большою круглой степью, смертным ветром
его несет стремительная мгла.

И, страшными зелеными глазами
подстерегая истощенье сил,
ему готовит гибельный экзамен
Близнец — жестокосерд и чернокрыл.

* * *

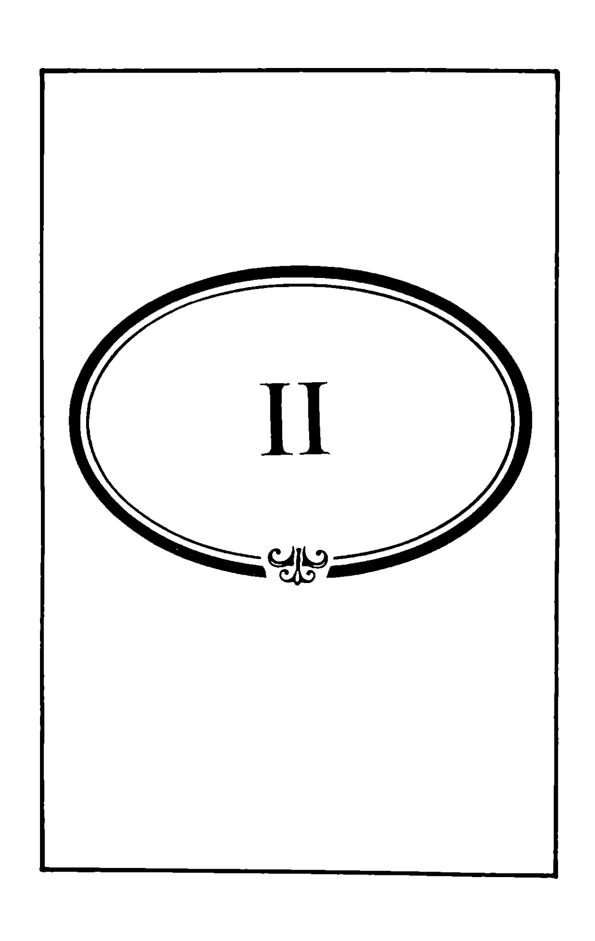
Нам, не умевшим сердце побороть,
ужель рассудочность придет на помощь
и в час счастливый ты печально вспомнишь
о том, что несовместны дух и плоть?

О, не тужи: печали на века,
но долговечней и светлей тревога
о двойнике, а времени немного
отпущено: обидно коротка
вся жизнь для поисков родной души.

Глядим, глядим в глаза случайным встречным
и слушаем случайные их речи...

О, не тужи, но перевороши
золу и пепел и найди тайник —
родник огня для нового пожара,
чтобы волна тепла перебежала
черту запрета и возник двойник —
пусть на минуту, месяц или год,—
мгновенья эти ста столетий стоят.

Так возникает самое простое.
Горит и гаснет.
Гибнет и живет.

II

ДЕРЕВО В ПОЛЕ

* * *

Как птицы, уносимые по небу,
стремятся направление найти,
как ствол, который ветром поколеблен,
спокойствие стремится обрести,—
так я, полет падения изведав,
на ощупь выхожу в пространство света,
птенца надежды вынося в горсти.

ПЕНСИОНЕРКИ

Ох, какая легкая голова! Одуванчик.
Сели вдвоем говорить слова, на диванчик.
— Ну и погода! То дождь, то вёдро.
— Плохое лето.
— Дворник напился. Красная морда.
— Что тебе-то?
— Да ничего... Завезли баклажаны.
— Ну так что же?
— Купим давай, можно пожарить.
— Ну их! Вялая кожа.
— «Время» уже. Пойдем смотреть телевизор.
— Что там будет?
— Хороший фильм, сказал сосед снизу.
— Хороший, в будни?
— Ну ладно, как хочешь, а я пойду.
— До завтра.
...А завтра — завтрак, магазины, обед,
сиденье во дворе, телевизор, ужин.
И так много лет.
Живут как ходики, вроде никто не нужен.
Лишь привычка — друг с другом поговорить,
повздорить, что-нибудь вкусненькое сварить...
Как будто не было горя,
не было мужа, детей, войны,
как будто всегда так было:
тихий двор, разговор, голова-одуванчик,
для щей кочаны...
Лишь потом, расстилая постели
(сколько сирот у народа!), взглянет одна на комод,
другая на стену,— и задрожит подбородок.

СВИДАНИЕ

Разрушаются преграды,
разливается вино.
Ты рукой махнула: «Ладно!
Видно, было суждено.

Не дождаться, не влюбиться,
а вот так — гонять тоску».
Где перо твое, Жар-птица?!
Где тропинка на снегу?

На снегу следы светились,
с неба падала луна.
Не прощаясь — распростились.
Не разлука — а война.

Тишина в холодном доме.
Лишь «кукушка» на стене.
Под щекой сложив ладони,
дышит женщина во сне.

И летят над ней закаты
и расплескивают свет...
На дорожке полосатой
высыхает грязный след.

* * *

Красавица
с лицом, словно ожившая фотография,
поет:
«Он вернется,
захочет увидеть меня
и вернется...»
Нет.
Не поможет твое заклинанье.
Никогда не возвращается
любимый.
Только память,
только время летит,
только птицы серебрят небосклон,
и с каждым годом
съеживается
надежда.
И строже зренье,
и отчетливей пейзаж,
и высыхают соки
древесных тел.

А волосы твои,
смотри, красавица,—
седые.

ЛУБОК

На белом коне всадник,
ступив на камни дороги,
вдоль белого снега слепого
движется к цели.

Там, вдалеке, цветет липа
и желтые пчелы сверкают
в солнечном свете.

Там девушка ждет золотая
в венке из блестящих магнолий.

Но всадник медленно едет.

Они разминýтся, я знаю.
А раньше верила в свадьбу.

ДЕРЕВО

Больно мне, дереву в поле.
Больно.
Небо ближе к полю
на просторе.
И мне больно — я одно
в небе этом.
А небо большое, сквозное.
Четыре ветра
в ветвях столкнулись.
Каждой ветке трудно.
...Неудобно мне,
плохо и в земле.
Мало места.
Рукам моим
земляным
тесно.
Душно внизу.
Безвоздушно.

Ой, дерево я, дерево в поле.
Высокое.
Красивое.

АВТОБИОГРАФИЯ

Ты слабое живое существо,
ты мыслей смесь, сомнительных и грустных,
тобою промысел назначенный был узнан,
когда души проснулось вещество,
и запылали звуки, и миндаль
вдохнул огонь в младенческие пальцы,
и в запыленном, затемненном зальце
слоновой костью поманил рояль...
Потом пришла на смену Тишина,
хозяйка строгих бесконечных залов,
глазам такие краски показала,
что зрение твое возликовало —
и все-таки насытилось сполна.
От музыки — внезапно — к тишине.
Скажи, душа моя, ты не устала?
Ты помнишь ли, ведь с самого начала
влекло куда-то, только не вполне,
а лишь слегка...
                    И снова коридоры,
слова и лица, больше — разговоры:
Алкей, Катулл — и новая любовь
в тебя вошла, и древность возродилась,
и ты своей ученостью гордилась,
тебе тогда — никто не прекословь!
Но вот ушла. В руины обратилась,
оставив чувство грусти и стыда.
Теперь ты понимаешь — никогда
тебе не сдаться случаю на милость.
Ведь тот, в тебя проникший, как родник,

И Звук, и Цвет, и Слово удержавший,
в тебе прижившийся, тебя прижавший
к перу Поэзии,— ведь он с тобой возник,
и вел тебя, и мучил, чтоб учить
смотреть и слушать пристально и страстно.
Пришла пора, чтоб щедро и прекрасно
ему за все сторицей отплатить.

* * *

Иду и натыкаюсь на лица.
Такие лица,
что если во сне приснится,—
проснешься от ужаса.
Иду и натыкаюсь на спины.
Такие спины,
что в бездну ринешься —
и не услышат!
А деревья — такие чуткие,
сорвешься —
поднимут ветками.
А солнце — такое доброе,—
заплачешь, забудешь гордость,—
в окошко просунет голову
и светом
наполнит
дом!

СВЯТАЯ ПРОСТОТА

Там рыбы, как братья, плывут в глубине,
там листья, как дети, шумят во дворе,
там птицы, как флейты, свистят в вышине
и на грубой дубовой коре
только слово: Simplicitas.

Эй вы, люди в сандалиях, в тогах!
Что значит ваша Simplicitas?
Да еще с прилагательным: Sancta?
Чтоб мягкость — так словно руно молодого барашка?
Чтоб твердость — так мрамор коринфский?
Чтоб скромность — так без всякого «тихого омута»?
А любовь — так до слез и проклятий,
как у вашего бешеного Катулла?

Ну что же. Такая программа подходит.
Тем более время приспело присесть, призадуматься.
Вот лоб мой — высокий.
Рука — худая.
Бумага — стандартная.
Какая же связь между ними?
По закону «святой простоты» — сверху вниз,
т. е. лоб — рука — и бумага.
Но как это сложно: Sancta simplicitas!
Как трудна и прерывиста связь между лбом и рукой!
Как часто рука
Непонятно какие рождает слова, вот как эти:
«Там рыбы, как братья, плывут в глубине» и так далее...

Припаду к прохладным ступеням
твоего пьедестала. Sancta simplicitas,
и попрошу:
                    Разумных мыслей.
                    Понятных слов.
                    Искренних чувств.
И надо всем — чувства меры,
чтоб золотое яблоко слова
катилось по круглой каемке
волшебной тарелки,
где возникают, как на экране,
живые картины.
Какое счастье — рождение мира из слов!
Обширного мира, богатого плотью и твердью,
богатого пышным убором своих златотканых полей,
пронзенных стрекозьим полетом!

Но только позволь мне, Sancta simplicitas,
отдирая ногтями раковины моллюсков,
присосавшихся к днищу воспоминаний,
и глазами встретившись с братом безмолвным
подводных глубин,
не спешить на поверхность,
задержаться на миг в изначальной стране,
где рыбы, как братья, плывут в глубине,
где листья, как дети, шумят во дворе
и на грубой дубовой коре
только слово: Libertas[1].

---

[1] Свобода.

СТРАСТИ ПО ПРОХЛАДЕ

I

Гелиос гладью небесной скользит,
и трепещет эфир, опускаясь на море.
Я стою на высокой горе
в одинаковом солнечном свете,
одиноком и жарком,
и мечтаю о том,
что когда-нибудь сын
запряжет в колесницу коней,
подвластных лишь силе отца.

Приходи, Фаэтон!

II

Солнце мое! Королевское солнце вселенной!
Ты меня не обманешь радушьем своим.
Ссыхается голос, словесною жаждой томим,
и горячая грудь для сердца становится пленом.
Ты шагай по траве, ты детям свети неизменно,
ты на помощь замерзнувшей птице лети.
От меня же свой огненный, ласковый взор отврати,—
я не подданный твой, хоть в пыли преклоняю колена.

СЛЕДОМ ЗА САПФО

Роза древо, солнце и дождь обильный
в сердце властно утром вступили. Слушай!
Ночь ушла, и час наступил запеть мне
голосом легким:

«Роза вянет, древо от ветра гибнет,
солнце гаснет, к мертвой земле прижавшись,
дождь разрушил воздух»,— а я, заплакав,
стих написала.

СЛЕДОМ ЗА АЛКЕЕМ

В пустыню, в зной, в пески, в бесконечность солнца,
в дожди, в туман, в озноб, по дороге мокрой,
по снегу, льду, в метель шагаю,
чтоб до весны поскорей добраться.

Ночей не сплю — и сны наяву приходят,
грядущий день неверной весною манит.
Но осень длится слишком долго,
длится до самой весны и дольше.

Иду к тебе, бегу — рассказать и плакать,
в глаза твои смотреть, утешенья слушать,
потом сидеть, обнявшись, долго,
слыша, как грусти шаги слабеют.

Но осень, осень, осень владеет мною!
Но небо, небо ветром меня пугает!
И я не в силах певчею птицей
в дом твой весенний впорхнуть случайно.

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

И сегодня, проснувшись опять
неспокойной дождливою ранью,
я пыталась поймать, и понять,
и назвать эту мысль без названья:

слышу — сердце торопится вспять,
а дыханью за ним не угнаться.
Вот в чем дело! Легко ли принять
и самой себе в этом признаться,—

мне бы только побыть молодой,
за рукав свою юность схвативши,—
стой, красавица ласточка, стой! —
Так сказать ей, внезапно притихшей,—

посиди, посмотри на меня
хоть недолго подругой моею...
Но своей быстротою дразня,
пропоет: «Я сидеть не умею!»

Ах ты, птица веселых полей!
Ну, лети! У дороги я сяду
и усталости трудной моей
оправданье найду и усладу —

ждать тебя. Остываю, но жду,
расцветая душою незримо:
может, где-то в грядущем году,
озарив, пронесешься ты мимо.

УРОК ПЕРВЫЙ

Что тебе в этом взлетании ввысь?
Душу нагую возьми за основу
и доброй рукой облеки ее в слово,
в котором спрессованы чувство и мысль.

* * *

Мне надо написать тебя. Скорее!
Неведомое мне стихотворенье.

Мне надо написать тебя,— скорее!
Пока синеют инеем деревья,
пока по снегу о тебе гадаю,
пока спешу к тебе я, молодая,
пока лечу, собою не владея,
не понимая, что со мною, где я.

Бегу, спешу! Встречай меня и властвуй!
А вот и ты, коротенькое,— здравствуй!

* * *

Пуста земля,
и я в полях листом не заслонюсь.
Мой стебель гнется и дрожит,
и воздух ветреный и пыль земли
меня объемлют.
Я наблюдаю звездный ход
сквозь долгий воздух
и сквозь пыльные пустоты.
А рядом шелестят уже сухие.
Их плоть мертва от пустоты.
Но дымным синим небом я дышу!
И мгла густая облекает землю.
Мой стебель гнется и дрожит.
Но я расту из мглы.

ТВОРЧЕСТВО

Зачем ты над нами,
зачем ты над нами,
печальная птица с большими крылами?

Печальнее осени в сердце глядишь,
печальнее листьев под солнцем паришь.

Зачем ты над нами,
зачем ты над нами,
усталая птица с большими крылами?

Усталая, словно несчастный борец,
уставший в объятьях змеиных колец.

Зачем ты над нами,
зачем ты над нами,
упрямая птица с большими крылами?

Упрямей, чем горный поток ледяной,
упрямей, чем лоб под моей сединой.

* * *

Чтоб выше стать, нам надо чище петь
и, выдувая звуки из свирели,
ни разу ошибиться не посметь
и ритму не ввернуть ненужной трели.

Не украшать, а медленно тянуть
все выше, выше — из последней силы.
Пускай уже без кислорода грудь,
пускай от напряженья вздулись жилы,—

звени, поэт! До самой той черты,
пока твое дыханье не прервется
и, умирая, не услышишь ты,
как в твой напев стихающий вольется

мелодия иная, но в ладу
одном с твоим напевом. Легкокрыло
она твой дух подхватит на лету
и в миг последний вырвет у могилы.

* * *

Эти верные строки мои —
благодарность цветам и земле.
Эти птицы живые мои
мое сердце подняли до звезд.
Я живу, я дышу, я люблю на земле,
когда песни со мною мои.
И стою в человеческий рост.

* * *

Только листья, только листья за окном
наполняют нетерпением мой дом.
Только темная горячая листва
манит лепетом живого божества.

Я стою — в который раз! — на рубеже
новой жизни, и душа настороже,
словно четкая за выпуклым стеклом
рыбка черная с вуалевым хвостом.

А вокруг мой заоконный милый лес
тянет листья, тянет ветки до небес,
легким воздухом захлестывает грудь,
прогоняя нерешительность и грусть.

Я спешу, но осторожная душа
свой покой оберегает. Не спеша
черной рыбкой забивается в песок,
замирает ее рыбий голосок.

* * *

Скалярия по небу проплыла
и растворилась.
По соседней кровле
скользнула тень хвоста или крыла
небесной рыбы.
В уголке укромном
Жизнь замерла.
Желанья, как мальки,
рассыпались по зыби мелководья.
В окошке день висит.
И высоки
лугов небесных тучные угодья.

Где рыба на беленом потолке?
Где тень крыла на выцветших обоях?
Где солнце в лампе? Слезы на щеке?
И как мне жить наедине с собою?

ЦИРКАЧКА

...— А он циркачку полюбил...

Б. Окуджава

Дитя, актрисочка,
сапожки детские.
— Кто первый, с крыши вниз?
— Кто первый, девочка?
— Ну что ж, попробую
и не умеючи.
— По краю пропасти?
— Какие мелочи!
Карнизы гроздьями
следов истоптаны,
растают в оттепель,
а мне нашептано,
что будто в стаде я —
овца паршивая,
что христа ради мне
словами лживыми
пора утешиться.
А мне не хватит вот!
И вам от грешницы
дорога — скатертью!
Ведь там, на сцене, я
прыгунья лучшая,
я вас изменою
своей замучаю,
я вам поведаю —
не надо спрашивать!

О вашей верности
словами вашими,
о вашей нежности,
о вашей горести
ко мне отверженной.
А я вот — гордая!
Я под «юпитером»
как на ладони дня,
вам не убить теперь,
вам не достать меня!
Всю вашу исповедь
под светом высмею,
вам это вынести?
Хотите вниз со мной?!

* * *

Искусной вышивальщицы рука
на тонкой ткани нам изобразила
букет цветов и рядом мотылька.
В букете сочетаются так мило
настурция, и скромный василек,
и маргаритка, и еловый хвостик,—
приятно посмотреть, но невдомек,
что это плоть, а есть еще и кости —
изнанка! О, какой невнятный мир,
как много узелков, обрывов нити!
Хотя б намек, хотя б один пунктир
той красоты! Но лучше не ищите —
мучительна изнаночная суть,
здесь нет цветов, чтоб взгляду отдохнуть.

* * *

За вечным, за мельничным шумом...

О. Мандельштам

Вот так и спускаться во сне:
по темным провалам метро
в застиранной желтой футболке
среди тишины и безлюдья.

Потом наяву очутиться
в заржавленном обруче боли,
а дальше —
в машине с крестами на выпуклых дверцах,
летящей по гладкой дороге,
как по ухабам.
Скорее, скорее, за мельничным шумом дыханья,
отдать старый долг
Милосердному Заимодавцу.

Но здесь в этих белых летучих халатах
одни только люди,
и только они
мои отпускают грехи.

Остался один.
Кому исповедать Сомненье?

* * *

Время, время! Птица смелая,
конь без седока!
Удержаться не сумела я,
дрогнула рука.

И летит мой конь некованый
где-то вдалеке.
И безвестность уготована
дрогнувшей руке.

АННИ ЖИРАРДО В КИНОФИЛЬМЕ «ЖУРНАЛИСТ»

Оставалась какая-то малость,
но, привыкнув к боли своей,
приподняв лицо — улыбалась
тем, чужим, улыбавшимся ей.

Только горестно руки застыли,
страшно — пальцев не разомкнуть.
Будто вспомнила длинный, постылый
день, приплюснувшийся к окну.

День, когда поднимаются шторы
встретить солнце, а в стекла — дождь.
И мертвеют ладони, в которых
оставляют на память ложь.

...Повернулась, пошла вдоль стен.
Как безмерна спины усталость!
Оставалась какая-то малость.
Или не оставалась совсем.

* * *

Высокие созвездия светил,
пронзающие темное пространство,
любви моей приносят постоянство,
борьбе моей — полет победных крыл.

Я выхожу из пепла и огня,
от слабых слез — к созвездьям поднимаюсь,
я на дороге радости и мая —
жива душа бессмертная моя!

* * *

Маленького темного крыла
тень скользнула по равнине лета.
Сложной вязью воздух оплела
и растаяла. Быть может, это
дикий голубь, перья распуша,
заплескался в небе ненароком.
Или чья-то бедная душа
заблудилась в облаке высоком.

* * *

I

И. Бродскому

Там, у предела синих дальних стран,
волшебный конь
срывается с откоса
и, рассыпаясь, гаснет папироса,
стремительно зажатая в ладонь.

Там ты, тоскливый, страхом обуян,
там сердцу не хватает вдохновенья,
хотя руке достаточно уменья
воспеть цветущих примул океан.

Нельзя Отчизну милую терять,
нельзя прижиться к берегу иному
и чужеземным слогом поверять
свою тоску по языку родному.

II

Мне нечего скрывать — я бедный аист,
забывший путь на родину свою.
Печальный аист, плачу, улыбаюсь
и не ищу пропавшую семью.

Но там, вдали, где сладкий воздух тонок,
в той открывающейся времени дали,
мой новый аистенок — мой ребенок
позвал,— и крылья дрогнули мои.

РЕЦЕПТ

Пусть спасет вас допегит
от волнений и обид.
Пусть поможет дибазол
от болезней всех и зол.
Пусть поднимет гемитон
настроение и тон.
Пусть подарит тазепам
радость и улыбку вам.

* * *

Заколдованное тело
заболело,
помертвело.
Заколдованное тело,
уцелев,
не хочет жить...

Доброта идет на убыль,
побелели мои губы,
пообсыпался мой цвет,—
моего сыночка нет.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Стон в стене услышишь
ночью.
Станешь тише, осторожней,
мальчик,
это лапками колышет домовой.
И цветок завянет.
Кто там плачет?
Спи скорее,
встань скорее,
вырастай.
Если спустишься в долину,
я тебя с горы узнаю,
мальчик.

* * *

Замолчала душа
и не вскрикнет опять,
в голубином полете
мне небо искать,
в ястребином полете
мне падать стремглав,
лебединый полет мой
преследует мгла
по пятам.
По глазам
да по крови моей
узнает меня лес
очарованных дней,
узнает меня лес
и уводит меня,
синей сетью опутав
и хитро маня
поперек всех дорог,
всюду наискосок,
каждой острою веткой
мне целясь в висок.
Ах, пусти! Мне — в полет!
Полевой, голубой,
голубиный, как лед
над моей головой,
ястребиный, как тень —
быстрота от крыла,
лебединый,— запеть
чтобы завтра смогла.

* * *

Уметь талантливо молчать...
А я кричу, а я свищу,
как растревоженный скворец,
все верещу и все хочу
то улетать,
то прилетать,
смеяться, плакать, умирать!
Ах, я бедняжка!

Стой, молчи.
Болит душа твоя в ночи.
И звезд унылый хоровод
свершает свой круговорот.

ОСАДКИ

Я буду падать, возникая и кружась,
я буду падать или, может быть, лететь.
Паду на поле — белым холодом лежать,
взовьюсь, и скажут: «Начинается метель».

Когда же стану я прозрачней и быстрей,
чтоб сильный гром меня не смог уже догнать,
то, озабоченно на стекла посмотрев,
промолвит кто-нибудь: «Тоска. Дожди опять».

* * *

Мой опечаленный мудреный мир
дарует мне спасенье и отраду
за то, что ухожу из рук твоих
в летящие объятья листопада.

И так иду — стремительно-легка,
ладонями вперед, в пролеты света!
Пристанище мое — моя листва!
Убежище от холода и ветра.

МОЕМУ ДЕДУ

Там, на горé, твоя могила,
и небо белое над ней,
трава сухая. Если б было
возможно,— из ненастных дней,

от наших гроз, дождей обильных
в тот раскаленный край земли
воды послать,— чтоб на родимой
могиле розы расцвели!

* * *

И только любовью,
и только земною любовью
рождают бессмертье счастливые люди.
Счастливые люди — тугие частицы природы
с прострелами глаз
в кладовые небесных загадок.

Что там? От звезды до звезды телеграфом
натянуты темные нити,
и темные души скользят,
чтобы мыслью коснуться друг друга?

Что там? Беспредельное светосверканье
и ломаный контур прозрачных порхающих крыльев?
И мир, и покой, и блаженство?

...Как тесно в плену этих мягких сетей.
Пусть мертвой рубашкой спадет с моих плеч
надежда на «после дыханья».
Я в жизни хочу
бессмертье рождать каждым вдохом,
любым преткновеньем о камень,
и гневом, и страстью,
в основе которых — Любовь.
Любите друг друга, бессмертные люди!
Любите друг друга,
любите...

* * *

Мое долгое, милое время
ко мне длинные руки тянет.
И сейчас оно меня коснется.
Становлюсь я тоньше от голода,
ухожу в романсы старинные;
время мое милое —
сквозь закрытые двери входит,
разбивает горшочки цветочные,
надо мною уже наклоняется...
Как безжалостно оно меня любит!
Раскрывают ласточки крылья,—
но меня не пускает время.
Я боюсь тебя, тихий убийца,
я пишу тебе вечные строки,
но трава не моя зеленеет,—
прохожу я землею мимо.

К ВОПРОСУ О ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

Я — поэтесса. Маленький сверчок.
Я так скажу, как не сказать поэту,
И голос тих, но мой шесток при этом
подвешен там, где небу горячо.

Я не о солнце, я о высоте,
о раскаленной высоте небесной.
Тот белый свет, где в будущем воскресну,
внушает мне искать напевы те,

что, как цветы, красивы и просты
и, как пески, бессмертны и печальны,—
и поиск мой меня не удручает,
а не дает дыханию остыть.

Прощай, стишок. Ты мал и бестолков.
Но мне все можно,— я почти у цели.
Я — поэтесса, и мои качели
летают у небесных потолков!

* * *

Сжигает время жизнь.
Пожара нет,
                    но тлеет
бикфордов шнур.
Как долго до конца?

Последние слова:
очнись до взрыва.
Чтобы не так,
не в пьяном полусне
мелькнула жизнь,
чтоб не забыть, что дышат на земле
любовь и тишина
и есть страданье,
не заглушаемое никаким наркозом,
и есть душа — из самых одиноких,
из самых отдаленных от тебя.

Еще запомни: вечна только память.
Спустя года она тебя настигнет,
настигнет не обидой,
но отрадой,
единственной отрадой на всю жизнь.
Теперь прощай.

* * *

Помилуй бог — бессмертия просить.
Мне б только проскользнуть под облаками,
да кроме неба землю полюбить
и к ней спуститься добрыми стихами.

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕТСТВЕ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Мне стало легче. Я в до-мажоре.
Я — миру тождественна,
я — родилась!
Куда-то иду. А день — как море!
Вступаю торжественно в новую власть.
Власть — дыхание, власть — надежда.
Я просыпаюсь, чтоб жить наяву.
Все будет просто — не так, как прежде.
Веселым парусом
в стройную песню
легко и спокойно — вплыву!
Но спотыкаюсь о звуков груды.
(Музыка — как по стеклу ножом.)
И понимаю, как это трудно
сыграть блестяще свой до-мажор.

* * *

У печки прыгал маленький козленок,
в корыте плавал головастый сом,
гуляли гуси по траве зеленой,
покряхтывал на солнце старый дом
и золотился. Вишня поспевала,
и бабушка под окнами белье
стирала — полотенца, покрывала.
То воду выльет — свежую нальет,
то кинет синьку — и вода простая
синеет, как лесное озерцо,
к ней стайками капустницы слетают,
садятся, как на берег, на крыльцо.
Разносится от липы запах сладкий,
шуршит по дереву рубанком дед.
Я сделала из ленточки закладку
для Пушкина. Я рада. Мне пять лет.

ЛЕСНАЯ ПЕСЕНКА

Если мы с тобою вместе
в лес пойдем и на луг,
стрекозы летящий крестик
сядет на ромашкин круг.

Посмотри, какие краски
нам несет длинный луч,
как идет он без опаски
легким шагом между туч!

Хоровод летит пчелиный
за пыльцой в дальний сад,
где в качелях паутины
паучки в ветвях висят.

И щебечет птичья стая:
динь-дилень, динь-дилень!
Нам ворота открывая
в самый долгий летний день.

ПОЛДЕНЬ

Жужжа, шмелиный дирижабль
сел на цветок.
Он наклонился, задрожал,
и свет потек
на толстый бархатный камзол
и на усы;
давно расцвел цветок для пчел —
и для красы.
Июль, июль! Дохнув медком,
моя земля
мне подарила над цветком
полет шмеля.

* * *

Яблоко упало
больное.
Червоточина.
Червяк выполз
и заплакал.
Пополз опять по стволу.
Прогрыз другое.
И другое упало.
Плохо червяку.
Все ползает наверх,
все об землю
стукается.

* * *

Красные раки!
В зеленой траве.
Ромашки! Овраги!
Чайка! Кричит в синеве.
Над озером севера
ветер рассеянный.
Раки! В зеленой траве.
Костер! У воды.
И пуделем черным
радость плывет
по водам озерным.

Ферапонтово

* * *

Мне было лет пять или шесть
в ту зиму, в то снежное утро, когда
в нашем дворе появилась собака,
должно быть, бездомная.
Небольшая и быстрая,
она бегала с нами
и радостно лаяла.
Какая-то девочка ее испугалась
и закричала.
Но все мы подумали,
что она нарочно.
Вот тут-то и вышел из первого подъезда
человек с ружьем — отец этой девочки.
Собака стояла спокойно.
Он поднял ружье —
и воздух распался на много частей.
А мы, гарнизонные дети,
увидели вдруг,
как собака, скуля, побежала по кругу,
как там, где она пробегала,
на снегу появлялись красные капли,
как она завертелась на месте
и упала.
Наши мамы потом испугались,
что стреляли при детях.
А мы, детвора, сразу как-то
забыли об этом.
И только в последнее время
я вспоминаю все чаще и чаще

веселую зиму,
и белый снег,
и на нем окружность
красным пунктиром.

* * *

Мама-девочка, мама-тростинка,
мама — стрункою стройная спинка,
в этом мире страстей и потерь,
мама-девочка, где ты теперь?

О, какая ты стала другая!
Как доверия ты избегаешь
ко всему, что так дорого мне,
что бы стало дороже вдвойне...

Но с заботами нет тебе сладу,
суетишься порой до упаду —
за меня постоянная дрожь,—
ну зачем ты так нервно живешь?

Все заботы — о теле, о теле...
Мама-девочка, ну неужели
надо было ребенка родить,
чтоб затем от всего оградить?

Как ты хочешь, чтоб все было гладко,
чтобы время текло по порядку.
Жизнь такая не стоит гроша.
Мама, мама, а как же душа?!

Мама-девочка, мама-тростинка,
мама — стрункою стройная спинка.
Вот стою я средь белого дня...
Ну когда ты заметишь меня?

ПЕГАС

Вижу, вижу — снова птицей
полетел отважный конь,
вижу, вижу над странице
тот серебряный огонь.

Эге-гей! Лечу навстречу,
мои крылья широки!
Эге-гей! Ветрам перечу,
и — послушны ветерки!

Никуда тебе не деться
и меня не обогнуть.
Здравствуй, время! Здравствуй, сердце!
Продолжаем вместе путь!

ОТРЫВОК

По улицам сыпались дождики,
у дождиков длинные вожжики.
И пели о чем-то улицы,
и капли по ним прогуливались.
Ушел и последний дождик
на длинных своих ножках.
И в сердце остались лужицы,
там листики-мысли кружатся...
И песни твои не спросят:
«Зачем ты грустишь, что осень?»

* * *

Лист огромный, цветной
с клена высокого
на землю падает.
Лебеди на крылечке
в темную воду глядят.
А я, точка малая,
неразумная,
все листом забавляюсь,
лебедем.
И все у озера спрашиваю:
как же мне жить дальше?

* * *

Кропотливо, день за днем,
письма пишем, писем ждем.
Ждем погоды, ждем числа,
чтобы лодка унесла
нас за тридевять земель,
где цветет кудрявый хмель,
где растет могучий дуб,
где гуляет тот, кто люб.

* * *

Тише, тише...
Вы слышите?

Это капает с крыши.
Снег растаял
и капает с крыши.

Ветер дышит —
никто не слышит.
А мы слышим,
как снег растаял
и капает с крыши.

РАДОСТЬ

Рыбка золотая по морю плывет,
птичка золотая песенку поет.

На земле весенней расцвели цветы,
под огромным небом только я и ты.

Синеглазый мальчик, звонкий соловей,
мне ли не заслушаться песенкой твоей?

Мне ль не заплескаться в солнечном дожде,
а навек застынуть в ледяной слюде?

Нет! Бегу, не прячусь, время торопя,
мой дружок веселый, я люблю тебя!

РЫБАК

Уж такая доля —
жить у моря.
Он весел.
Он сушит сети.
Он сушит весла.
Уж такая доля —
жить у моря.
Петь песни.
Любить синее.
Приручить дельфина.
Уж такая доля —
уплывать к рассвету,
расставляя сети,
и пропахнуть рыбой.
Возвращаться к ночи
и, в песок горячий
погружая ноги,
уходить от моря.
И он весел.
Ликом светел.
И опять с песней
сушит сети.

РОМАНС

Я у Вас выпрашиваю слово,
чтоб оно нежданно и светло,
из ушедшей памяти былого,
Вами возрожденное, взошло.

Но зачем, угадывая мысли,
разрушаю длительный обет
и красивым листопадом писем
обнимаю и лечу вослед?

Я ведь знаю — в тихом полусвете,
своего остановив коня,
бледный мальчик в бархатном берете
с Ваших глаз долой умчит меня.

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

Едва разглядишь — и уже расставайся:
душа моя, как мотылек,
несется в последнем стремительном вальсе
на гибельный тот уголек.

Закрой от меня свое сердце руками,
чтоб мой мотылек голубой
водился с такими, как сам, мотыльками
и зря не кружил над тобой.

— Спасите, спасите! Летит мотылек
на тот, раскаленный, в груди уголек.

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Тот колокольчик, нет, не умирал,
в себя он дождик реденький вбирал
и колыхался в зарослях травы.
Потом во сне — стрекозьи терема,
зеленые, веселые дома
неслись к нему, но лишь во сне, увы!

А я шагаю задом наперед
и посещаю милый огород,
где колокольчик в зарослях травы.
И мчится вслед раскрашенный конек,
и мне роняет в руку перстенек —
для Вас, мой друг, чтобы носили Вы.

К АЛИСЕ

Я в сад хочу. Алиса, помоги!
Я за тобою в щелочку пролезу.
Здесь по углам живут мои враги,
из темноты соткавшие завесу.

И я уж было покорилась им,
у времени на ниточке повисла.
Но вдруг очнулась, вечный нелюдим,
и вспомнила, что ты жива, Алиса!

Алиса, утешение мое!
Я за тобой из темени и плена
то ль в сад счастливый, то ль в небытиё
иду и вырастаю постепенно.

* * *

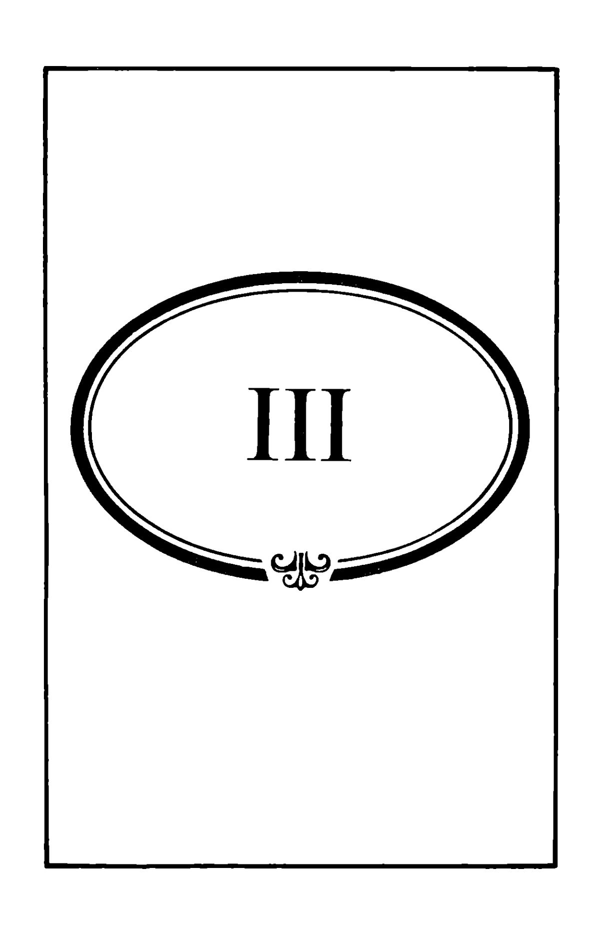
Который год — созвездия и лед,
который год — слова и междометья,
и, проникая всё и вся, растет
огромное двадцатое столетье.

Оно растет, как призрачный цветок,
мне осеняя голову и плечи,
и вовлекает в солнечный поток,
в котором петь и плыть ничуть не легче,

чем спать и слушать. Все-таки плыву
вдоль стебля, листьев, усиков лиловых,
внедряясь в доброту, как в синеву,
обменивая вымысел на слово.

Прекрасна жизнь! Невнятна и чиста,
сложна и невесома, как снежинка.
Она летит вдоль белого листа
и по щеке стекает, как слезинка.

И мы живем под куполом цветка,
раскрывшегося мощным парашютом,
и думаем, что жизнь так коротка...
Но купола не видим почему-то.

III

ПОГОНЯ ЗА ОСЕНЬЮ

поэма

I

КАНУН

Когда неслышными шагами
в плаще редеющем дождя,
следя листвою по бульварам
и за прохожими следя,
она приходит,— я руками
ловлю ее прохладный вздох,
ее намек на возвращенье,
на восхищенье и восторг
щемящих чувств,
на очищенье...
Я поддаюсь на тот подвох
осенних бдений.
Сновидений
клубится вдох
и облаками
сермягу скучных серых дней
подобно раме облегает.
О, в этом трепете и гаме
в погоне пагубной за ней
немного места есть, поверь,
и нам с тобой, и размышленью,

и осмыслению потерь,
и даже вспыхнувшей надежде
воспрянуть, воскресить, воспеть!
А наяву — следить, как прежде,
следить за ней — в который раз! —
как по бульварам золотым
она проходит, и на нас
летит лишь тень ее, лишь пепел,
лишь обещанья легкий дым.

II

ВЕЧЕР

Приятно, сидя на тахте,
предаться грустным размышленьям
под музыку старинных лет.
Приятно, что сошли на нет
поспешные желанья те,
те дерзкой юности решенья.
Настало время простоте.
Отрадней нет наверняка,
чем под присмотром ночника
тихонько подозвать собаку
и знать, что не придет тоска,
и тосковать по ней, однако.

III

ПОГОНЯ

Что же со мною?
Я ль стороною
осенней иду?
Ни страха, ни смеха.
Словно мудреному миру помеха,

я ли бреду
с этой бездумной своей головою?
Лишь веки прикрою —
и вновь, как бывало,
только осенних небес покрывало,
только начало
каких-то куплетов,
доныне не спетых,
нарядно одетых...
Продолжить сумею ль?
В погоне за нею,
за этой цыганкой
в цветном одеяле,
спеша — догоню ли?
Не знаю. Едва ли.
Свечные огарки,
святые подарки
рукой прикрываю.
О господи, я ли
стою с непокрытой своей головою?
Лишь веки прикрою —
и жалобой-лестью
за ней устремляюсь —
все так же на месте,
все так же на месте,
все так же...

IV

ЖАЖДА

В высоких порталах деревьев
она поселилась.
И край ее рдяной одежды
мелькнет в отдаленье.
О как веселилась

душа, уповая
на исцеленье!
Все так же у входа
застыв, словно ствол,
словно пень,
запеленутый мхом,
словно тень себя —
стою.
Как соглядáтай ее превращений,
как старый скупец,
наконец, как ребенок,
одураченный снами —
спросонок в слезах,—
стою.
Хоть взгляни,
хоть приблизься,
хоть горсточку листьев
взметни мне на плечи!
Мертво ожиданье.
И все-таки легче
стоять у портала,
к груди прижимая свечные огарки,
чем плыть по теченью реки,
по теченью тоски
без начала.

V

ВЗГЛЯД

Что мне отдать за то, чтоб этот лес
запечатлеть в проемах голубиных,
чтоб этот воздух в сумрачных глубинах
преодолеть и разглядеть окрестных
теплых сёл задумчивую легкость?
(Какую, право, чувствуешь неловкость,

рифмуя лес у леса на виду!)
Всего-то надо —
заржавленную мягкость листопада
топча в чужом заброшенном саду,
к калитке выйти, локтем опереться,
всмотреться в даль, и в глубь себя всмотреться
и для себя наметить тот пролет
стволов осенних, где ее одежды
край ускользающий мелькнет.

VI

СЛЕД

Вон он мелькнул —
и начались блужданья
в потоке встреч с листвою,
за спиною
осталась жизнь до осени:
терпение и ожиданье.
Теперь надежен путь
и постоянен,
хотя петляю в сумраке стволов,
хотя не знаю цену расстоянью
до нашего свиданья...
До свиданья,
моей любви непонятый урок,
моих надежд забытых отголоски!
Ее одежды пестрые полоски,
круги и пятна —
вот, рукой подать.
Мне остается только передать
по кругу веток-рук,
по своду арки
древесной
свои почти сгоревшие огарки
и завершить преследованья круг.

VII

СУМЕРКИ

Как много было их,
кругов и пыток
круговращением часов и лет!
Как таял восприятия избыток
в потоках времени, в круженье зим и лет,
в полете суток!
И только незаметный промежуток
меж днем и вечером
притягивал меня —
любви прощению со светом
западня.
Так ежедневно воскресать на миг один,
чтобы, взглянув
в печальный глаз заката,
взлететь куда-то.
Так ежегодно воскресать на день один,
на промежуток меж зимой и летом,
быть только вестником осенним и гонцом —
и чувствовать себя почти поэтом,
почти певцом.

VIII

ЗВУКИ

Уже предчувствуются мною в эти дни,
уже возникли, полетели,
пока без очертаний и без плоти,—
уже рождаются.
Я знаю их — они
овеществятся лишь в полете,
в раскручиванье карусели

тонов и ритмов, дробной беготни
по клавишам созвучий.
Из воздуха так вырастают тучи
и стерегут небесные врата.
Они рождаются! Смотри, уж залита
в колонном зале Осени поляна
рассветом
и по тропинке меж зимой и летом
они плывут на перышках тумана
и с Осенью вступают в разговор,
и просят для меня
лишь лепесток священного огня,
чтоб с этих самых пор
и до зимы
продлилась жизнь свечных огарков,
чтоб подарка
не пожалела Осень,
чтобы пространство тьмы
на краткий миг преодолели мы.

IX

ВСТРЕЧА

Свиданье наше состоялось там,
на самой кромке леса,
на каемке травы пожухлой.
В воздухе завеса
висела из тумана.
Было рано.
...Лишь только зреньем прикоснулась к ней,
как вместо почерневших фитильков —
в моих руках — игра живых огней!
Уж не огарки —
целые костры
в моих руках!

Они горят так высоко и жарко,
что кажется, ее поры
мне хватит на сто лет.
И вечно
        будет
            длиться
                свет.

X

ЭПИЛОГ

Кто придет вослед за мною,
воспоет
этих искр,
этих быстрых
ангелят
хоровод
на новый лад?
Он, должно быть, где-то дремлет,
где-нибудь на дне колодца
сновидений,
но от сна едва очнется
и смычком горячим солнца
вдруг по небу проведет.
И тебя, моя планета,
от теней
и тенет
силою целебной света
он спасет.

1984

В горькую эту, последнюю в жизни твоей
ноченьку
Что тебе снилось? Скажи мне, скажи,
доченька.

Мама

---

* * *

Когда-нибудь, пройдут столетья,
из-под прогнившего креста
глазами трав смогу смотреть я
на неба высохший кристалл.

А может, завтра небо встанет
просторной серединой дня
и с удивлением застанет
уже незрячею меня.

* * *

Живости прежней моей
моя жизнь — это злое подобие.
Вот я стою у дверей
безграничного серого мира.
Вот я слепой чародей,
и молчит моя слабая лира.
Пустота на душе, как надгробие.
Плачь, очарованный лес!
Это юность моя собирается
в путь без любви и чудес,
без мечтаний, прекрасных и страстных,
в землю,— без птиц и древес,
что лежит под ветрами безгласно
и запеть, закричать не старается.
Стой! Притворюсь, как смогу,
зацвету сиренью до марта,—
только замри на бегу,
Время! Замедли удар ты —
и тогда перед смертью я выстою.
Тихо! Поют тополя.
Тихо! Молчанье поет.
Тихо! Умолкну и я.
Взлет,
падение,
взлет...

* * *

Когда же я к погаснувшей земле
склонюсь своей усталой головою
и ветер бледный лоб овеет мой,
запахнут волосы живой травою,—

все станет проще: светлые поля,
стогов пахучих пасмурные глыбы
и та благословенная земля,
где я от одиночества погибну.

БОЛЬНИЧНОЕ

(Капельница)

Я бедный-бедный ёжик
без ручек и без ножек,
торчит во мне без толку
всего одна иголка.
Течет по ней лекарство
и гамма-глобулин.
А Витя-Айболит
бояться не велит.

* * *

Сложило крылья дерево дыханья,
суровый воздух обглодал листву,
оно давно мертво, как изваянье
в живом пространстве тела. Торжеству
слепых ветвей уже подвластны силы,
но пробивается сквозь твердь и прах
отважный жар души воздушнокрылой,
стремительной и победившей страх!

* * *

Осталось осколки собрать,
чтоб снова из них возродиться,
и в рост человеческий встать,
разрушив свой терем-темницу

бессмысленности и греха —
слепого кривлянья, круженья,
в то время, как слово стиха
рождается из вдохновенья,

из чистой строки бытия
без примеси позы и жеста...

* * *

Я куклам имена давала,
а девочкам не довелось,
я мишкам имена давала,
а мальчикам не удалось.

Летят, летят — их путь неведом,
поет воздушная струя.
Летит, летит за ними следом
душа сиротская моя.

* * *

Как постепенно исчезает жизнь,
рассеиваясь в воздухе осеннем,
так постепенно с лирою веселья
нам в зрелости не хочется дружить.

Нам только б жить. Угадывать закат
за красною каймою горизонта,
а по утрам молекулы озона
вдыхать и знать, что все идет на лад.

Что все плывет, как подобает плыть:
вода и зной, журчанье и прохлада.
Что ты — ж и в о й — и большего не надо.
И это лучше, чем великим слыть.

* * *

Все — погасло. А хотелось —
звезд в ладонях.
Храмов светлых, опустелых,
звуков долгих.

Моего завета мысли
стали прахом.
Вижу сотни красных листьев,
как ручьи у плахи.

Но божественному телу —
нет, не больно.
Мне не многого хотелось —
звезд в ладонях.

Миллионы красных листьев,
как ручьи у плахи.
Останавливайтесь, мысли.
Хватит плакать!

* * *

Трудна руки моей отвага —
пробиться в плотный складень дня,
где на столе лежит бумага
и терпеливо ждет меня.

Где предначертаны судьбою
прием лекарства и режим,
где каждый час берется с бою,
где каждый вдох — душе зажим.

И все-таки ведет отвага
меня сквозь толщу дней и лет:
я знаю — ждет меня бумага —
и страха нет. И смерти нет.

* * *

Если дождь начнется на земле,
постарайтесь думать обо мне.
Прочитайте, что напишут капли,
что покажут капли на стекле.

Но лишь станет небо голубым —
значит, вам меня пора забыть,
Я хочу быть помощью в печали,
а помехой в радости — не быть.

ЧЕРНОВИКИ

* * *

Я раскланиваюсь устало,
я доспехи снимаю сценические,
и замедленными устами
я зову Вас, Ваше Величество,—
утраченное одиночество.

Устаю стоять на перроне.
Нынче ветер ошибся адресом.
Одиночество, Вас хоронят,
убивают Вас мои радости,
отнимают у Вас корону.

В идентичности — наше мучительство,
нам нельзя обойтись друг без друга.
Возвращайтесь, Ваше Величество,
у меня Вы — одна заслуга.

Мне опять станет с Вами плохо,
что ж поделаешь — так получилось.
Нехорошая Вам эпоха —
нас так много на Вас ополчилось.

* * *

Я не стану писем ждать,
и спешить домой,
и стараться угадать,
что стряслось со мной.

Ничего-то не стряслось
и на этот раз.
Время лодочным веслом
разделяет нас.

Время птицею большой,
крыльями звеня,
чтобы милый не ушел,
унесло — меня.

Унесло меня туда,
где светло пою,
где не стану писем ждать.
...Ждать не устаю.

* * *

...— Ищу Человека!

Диоген

Пускай дорогу заметает снег
и стекла разукрасил плотный иней,—
но ты откликнись, Добрый Человек,
хотя душа моя — давно пустыня.

Ах, я недавно это поняла:
я все еще любви ищу, как манны,
готова бить во все колокола,
чтобы найти тебя,
мой безымянный.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Твое поколенье войны, слава богу,
не знает.
Не знает воздушных, не знает наземных
атак,
Но пусть на глазах твоих гордые слезы
вскипают
В тот день, когда дед надевает
Свой самый тяжелый пиджак...

* * *

Год за годом улетает как листва,
дожидаюсь, дожидаюсь мастерства.

Вот уж тридцать. И встревоженность растет:
вдруг оно меня обидит, обойдет?

Скажет: «В песенках твоих, ну посмотри —
только рыбки, листопады, снегири,

посмотри: страдает, мучится земля —
у тебя же в каждой строчке «я» да «я»...»

Мастерство, ты будешь право. Захочу —
я сама себя дышать переучу.

Я узнаю этот труд и торжество —
исцелять свое больное естество.

И за раны и за вымоленный грех
той забавы словом полым, как орех,

я сама тебя достигну, я сама...
но крепка еще души моей тюрьма.

* * *

...Мы часто по утрам бежим на берег,
чтобы увидеть птицу золотую.
И нам ее хватает на двоих.
Недавно, правда, слышала я где-то,
что эта птица общая для всех.
Что каждым утром, возлетев с востока,
она является всем людям сразу
и осеняет всех своим крылом.

А имя у нее простое — СОЛНЦЕ.

* * *

— Ну же, ну?!
— Потерял дурак жену.

— Ах ты, ах!
— Вот и бегает впотьмах.

— Как же так?
— Пропадает за пятак.

Тот пятак несет в кабак;
плачет песни грустные,
строит планы гнусные.

Вертится тот олух,
будто бы подсолнух.

— Все же жаль его!

К ВЕЧЕРУ

...Ах, тишина души вселенской
встает недугом глухоты,
тоски моей полночным всплеском,
бессильным белые холсты
моих фантазий и волнений
раскрасить в должные цвета.

Но плакать поздно. Пали тени,
и тенью память залита.
И я, в своем немноголетье
чуть к вечеру пощебетав
и молоком запив галеты,—
я оплачу свои счета,
пустыми хлопотами — данью,
не нужной моему уму.

Укрой меня своею дланью,
не дай в обиду никому.

* * *

Мне не надо верить, нет.
Я сама себе не верю.
Стану я тебе потерей,
ты потерей станешь мне.

Я уйду за облака,
посмотрю на землю долго,
по стихам почует голод
непослушная рука.

А потом вернусь назад
из-за той небесной пены,
подарю тебе напевы,
улыбнусь тебе в глаза.

Из небесных белых рек
я приду к тебе с поклоном.
— Ты прости — и будь веселым,
здравствуй, милый человек!

* * *

...Я не прощу тебе всю эту фальшь
спокойных дней, тянувшихся, как вечность,
но только слышу — стеблем сквозь асфальт —
сквозь все измены прорастает верность.

ЛЕРМОНТОВ

Он не спал этой ночью. И ночь не спала.
Что-то тяжкое чудилось ночи.
Свеча догорела почти дотла.
И пламя — короче...
И жизнь — короче...

Утром солнце не встало. Погасла свеча.
Все застыло в тоске напряженной.
Темно. Будто мертвые горы молчат.
И гром отдаленный,
Как стон затаенный...

Летят, рассыпаясь искрами, мысли.
Насмешливо-грустны глаза.
И звон в голове. И безмолвие.
Выстрел!
Он богу «прости» не сказал.

* * *

...Нет, не надо. Лучше слушать листопад
за еще не пробудившейся весной,
чем кому-то сделать больно невпопад,
для кого-то стать горчайшею виной...

* * *

В марте снег,
как на грех,
сыплет неустанно.
Но ушел
раньше всех
мой любимый самый.
Как ты мог,
как ты мог
мне оставить рану?
Я шагну
за порог —
думать перестану.
Ты ведь смог —
я смогу
так исчезнуть странно:
на крутом
берегу
незабудкой стану.

* * *

Здравствуй, здравствуй,— слышишь ли? —
У земли я лишняя...

Помоги мне — тебе не трудно,
помоги мне легче вздохнуть.
Меня тронул ветер простудный
и болезнью наполнил грудь.

Меня мерзлым плохим туманом
небо спрятало от людей.
По ночам меня даже мама
в ледяной искала воде.

...То здороваюсь, то прощаюсь,
но всегда — остаюсь одна.
Только ниже не опускаюсь —
разве мыслимо — ниже дна?!

* * *

Услышишь ли,
как дождик в небесах шумит?
И светлогривый конь —
воздушный ветер — отступает?
Я только дождь люблю —
касанье неба.
И шум его —
небесные шаги.
И, руку протянув,
люблю облить ладонь
прозрачным телом неба.

* * *

Я утону когда-нибудь в дожде.
Спокойно встану, руки опустив
и стаю отпустив своих надежд.
Исчезнут под водой трава, кусты,
а дождь все так же будет лить и лить,
до неба постепенно доходя.
Водой заслонит от меня стволы —
и я останусь там, на дне дождя.

ПАРАДОКС

Ясность.
Ясность цветка
и
воды.
Но вода
размывает
следы
на песке.
Грусть любви.
Грусть ушедшего дня.
День ушел,
что-то дав мне и взяв у меня.
Точность ритма
и музыки нить.
...Я забыла.
Но можно ль забыть
навсегда?
Яркость листьев
в пространстве небес,
ускользание мысли,
смещение мест...
Вечность. ...Да?!

* * *

Услышишь скоро шелест, шорох,
но не горюй.
Ведь небо самое большое —
по сентябрю.

Нам только месяц продержаться,
мы здесь лишь гости.
Потом уйти — листве в пожары,
а мне сквозь осень.

И коль увидишь, где-то близко
стволы горят,—
знай, мы — уходим: я и листья
из сентября.

* * *

Сколько можно, сколько можно
жить и думать осторожно
об ужасной ерунде —
о лекарствах и еде?!

Вот немного успокоюсь,
на упрямый лад настроюсь
и скажу, припрятав лесть:
отпусти меня, «болесть»!

Знаю, ты — «бо-бо» и «бука»,
жить с тобой большая мука,
ты коварна, как змея,
но с тобою справлюсь я!

Не горючим едким зельем —
прогоню тебя весельем,
попрошу тебя добром:
лучше ты оставь мой дом!

Неужели тебе мало?
Долго ты меня ломала,
но теперь пришла пора —
убирайся со двора!

Хохочу я, а не плачу —
не видать тебе удачи!
Для болезни места нет
В доме, где живет поэт!

ЛЕНИНГРАДУ

...— У меня телефонов
твоих номера...

О. Мандельштам

Когда-нибудь моя рука
устанет, звуки извлекая.
О мой туман, моя тоска,
мой город дальний, где руками

к рукам твоим, к твоим глазам,
к гордыне света прислонившись,
я поняла, что все отдам,
надменной буду или нищей,—

отдам, отдам все наперед,
все лучшее, что раньше было,—
лишь только вспомнит, позовет
далекий город и любимый.

* * *

Кто проводил меня в листья летящие,
кто дал мне вынести сердце нетронутым,
кто же помог мне сквозь долгие тяготы
статно пройти теми залами тронными?

...Просто растила я пальцами нежными,
словно дитя, с беспокойным вниманием,
гордость — мое беззаконие грешное.
Чтоб в одиночество — без покаяния!

* * *

Чтобы лучше разглядеть кузнечика
я встану в траву на колени
чтобы дотронуться до слабого стебля
и собственной тени
я встану на колени
чтобы соединиться с запахом земли и солнца
чтобы убедиться в том что я существую
и земля удержит меня от падения
я встану на колени.
И не только поэтому.
Я встану на колени
чтобы не быть выше травы и кузнечика
невидимой нам вселенной.
Пред ней
я встану на колени
и перед своей любовью
которая меня ведет к земле.

* * *

Ну наконец-то я к земле прижмусь!
Мне тридцать семь, а я давно забыла,
как пахнет клевер... У безглазых муз,
сонливых и нервозных, я гостила.

А здесь земля. Ее дыханье — пар,
ее одежда — зелень ветровая.
Здесь гонки городской густой кошмар,
купаясь в воздухе, я забываю.

Здесь лук на грядке. Здесь котенок спит.
Здесь луч прозрачен и роса прозрачна,
здесь сердце, заскорузнув от обид,
готово всех простить: глухих, незрячих

и очерствелых. Я им не судья.
Мне б только длить дыханье и движенье,
мне б только погружать все глубже зренье
в земные кладовые бытия.

Топча асфальты душных городов,
прости, Природа, что преступно долго
от бегства под живительный твой кров
меня удерживало чувство долга.

Зато теперь я, как праматерь Ева,
могу дать волю чувствам и словам
и растекаться — «мыслию по древу»,
а взглядом — по листве и по ветвям.

Ну наконец-то я к земле прижмусь!

СОДЕРЖАНИЕ

II

III

Любовь Борисовна Якушева

ЛЕГКИЙ ОГОНЬ

Редактор И. А. Колли
Худож. редактор Д. С. Мухин
Техн. редактор И. М. Минская
Корректор Т. И. Винарская

ИБ № 7099

Сдано в набор 01.08.88. Подписано к печати 21.10.88. А 05424. Формат 70×108[1]/32. Бумага офс. № 1. Литературная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 4,71. Тираж 10 000 экз. Заказ № 562. Цена 50 коп. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

Якушева Л. Б.

Я 49 Легкий огонь: Стихотворения и поэма.— М.: Советский писатель, 1989.— 192 с.

ISBN 5—265—00757—1

Книга стихов Л. Якушевой (1947—1984) — яркое и трагическое явление: это первая и последняя книга молодой московской поэтессы. Будучи тяжело больной и зная о неминуемом и скором исходе, она сумела сохранить удивительную чистоту и просветленность души; ее стихи заставляют нас смотреть на мир радостным и непритворным взглядом. Поэтический огонь Л. Якушевой — ясен, но все, о чем иные поэты говорят ради литературных красот или эффектной позы, в ее стихах становится правдой. Правдой, подтвержденной самою судьбой.

Я $\frac{4702010202—408}{083(02)—89}$ 258—89 **ББК 84 Р7**

50 коп.